ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА
въ память **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

Отдѣлъ «О жизни и
творчествѣ Л. Н. Толстого».

ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

Л. Н. Толстой, какъ философъ.

№ 1146. Изданіе „Посредника“.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

Произведенія Л. Н. Толстого.

Благо любви (Обращеніе къ людямъ-братьямъ). Ц. 3 к.

Богъ. Избранныя мысли. Ц. 10 к.

Богу или маммонѣ? Ц. 1 к., на лучш. бум. 2 к.

Божественная природа души. Избранныя мысли. Ц. 12 к.

Будда. Ц. 2 к.

Вѣрьте себѣ. Ц. 5 к.

Въ чемъ моя вѣра? Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Въ чемъ счастье? Ц. 4 к.

Голодъ. Сборникъ статей. Ц. 15 к.

Для души. Изреченія мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Ц. 2 к.

Для совѣсти. Изреченія мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Ц. 3 к.

Для чего люди одурманиваются. Ц. 3 к.

Для чего мы живемъ? (О смыслѣ жизни). Собр. В. Чертковъ. Ц. 10 к.

Единая заповѣдь. Ц. 12 к.

Единеніе. Избранныя мысли. Ц. 10 к.

Жизнь и ученіе Іисуса. Какъ читать Евангеліе. Ц. 5 к.

Зеленая палочка. (Большой форматъ). Ц. 4 к.

Исповѣдь. Изд. 3-е. Ц. 30 к.

Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 15 к.

Кругъ чтенія *Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львомъ Толстымъ мысли, разсказы и статьи многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи.* Томъ I.—ц. 1 р. 30 к., томъ II, выпускъ 1-й—ц. 65 к., томъ II, выпускъ 2-й—ц. 65 к.—оба тома вмѣстѣ въ перепл.—ц. 3 р. 10 к. на бум. верже въ перепл.—ц. 3 р. 60 к.

Къ вопросу о свободѣ воли. Ц. 4 к.

Любите другъ друга. Ц. 7 к.

Любовь. Ц. 3 к.

Мысли о Богѣ. Ц. 1⅓ к.

Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Ц. 35 к.

На каждый день. Ученіе о жизни, изложенное въ изреченіяхъ, взятыхъ у мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Составлено Л. Н. Толстымъ Изреченія на каждый день одного мѣсяца. Іюнь. Ц. 15 к.

Недѣланіе. Ц. 5 к.

Неужели такъ надо? Отрывокъ. Ц. 2 к.

О безсмертіи. Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

О добрѣ и добротѣ. Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

О жизни. О новомъ жизнепониманіи. Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Мысли разныхъ писателей. Ц. 40 к.

Объ истинной любви. Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Мысли разныхъ писателей. Ц. 2 к.

О половомъ вопросѣ. Мысли, письма, отрывки. Собралъ В. *Чертковъ*. Ц. 15 к.

О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма. Ц. 4 к.

О самосовершенствованіи. О сознаніи духовнаго начала. Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ ПАМЯТЬ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Отдѣлъ «О жизни и
творчествѣ Л. Н. Толстого».

ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

Л. Н. Толстой,
какъ философъ.

зданіе „Посредника“. № 1146.

1
7729

ПРОВЕРКА
2007 г.

8/16

МОСКВА.
Типографія Русскаго Товарищества, Мыльниковъ пер., соб. д.
1914.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

„Абсолютное можетъ быть дано лишь въ интуиціи, тогда какъ все остальное исходитъ изъ анализа".

„Метафизика есть наука, претендующая на познаніе безъ символовъ" (Бергсонъ. „Введеніе въ метафизику". 198 стр.).

I.

Что Л. Н. Толстой—великій художникъ, это никѣмъ не оспаривается; но что Толстой—великій мыслитель и, въ частности, философъ—это находится подъ сомнѣніемъ. Доказательствомъ существованія этого сомнѣнія служитъ хотя бы книга проф. А. А. Исаева: «Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель», которая, несомнѣнно, не единична, такъ какъ имѣется рядъ другихъ статей, также скептически относящихся къ Толстому—какъ къ мыслителю. «Испытываешь большое разочарованіе,—говоритъ проф. Исаевъ,—когда внимательно слѣдишь за философіей и публицистикой Толстого. Прежде всего бросаются въ глаза многочисленныя противорѣчія. Они касаются не только частностей, но и основныхъ положеній» (228 стр.). «Многочисленныя противорѣчія должны быть объяснены только тѣмъ, что Толстой въ своихъ работахъ часто держится пріемовъ журналиста. Навѣрное, онъ просматриваетъ и перелистываетъ множество книгъ. Но не замѣтно, чтобы онъ внимательно изучалъ и всесторонне обдумывалъ вопросы, по которымъ спѣшитъ высказать свое мнѣніе» (229).

«Непріятно дѣйствуетъ на читателя стремленіе Толстого быть эксцентричнымъ, его неудержимая склонность къ парадоксамъ» и т. д. (230 стр.). Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что приговоръ проф. Исаева достаточно суровъ. Съ

нимъ приходится считаться потому, что авторъ обвиняетъ Толстого путемъ цѣлаго ряда доказательствъ: цифръ, фактовъ, соображеній и т. д. Однако, несмотря на это, мы все же считаемъ его приговоръ неправильнымъ и выставляемъ, наоборотъ, противоположный тезисъ, утверждающій, что Толстой, дѣйствительно, великій философъ.

II.

Отрицательное отношеніе къ философіи Толстого основано, по нашему мнѣнію, въ значительной степени на недоразумѣніи, на томъ, что къ Толстому предъявляютъ не тѣ требованія, которыя должны быть предъявляемы къ философу. Поэтому необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое философія и каковы ея задачи.

Извѣстно, что философія до сихъ поръ ищетъ своего опредѣленія. Нѣкогда она была alma mater всѣхъ наукъ, но, по мѣрѣ роста культуры, науки мало-по-малу выдѣлились изъ философіи. До недавняго времени подъ философіей разумѣли эклектическую сумму: логики, гносеологіи, этики и эстетики, но теперь и эти науки мало-по-малу отдѣляются отъ философіи и становятся независимыми отъ нея.

Приходится подыскивать новую definitio ars filosophandi (опредѣленіе философіи). Одни опредѣляютъ ее, какъ обобщеніе и систематизацію данныхъ, доставляемыхъ частными науками (Спенсеръ), другіе — какъ «науку о принципахъ» (Ибервегъ), третьи—какъ науку о смыслѣ и цѣнностяхъ (Риккертъ и Виндельбандъ) [1]) и т. д.

Не вдаваясь по существу въ критику всѣхъ этихъ опредѣленій (это завело бы насъ въ сторону), замѣтимъ, что всѣ эти опредѣленія либо логически несостоятельны, либо представляютъ одни слова вмѣсто понятій (школа цѣнности), либо не соотвѣтствуютъ сути дѣла. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ есть нѣкоторая доля правды—поскольку они считаютъ философію охватываніемъ міра въ цѣломъ.

---

[1]) Г. Риккертъ. «О понятіи философіи». Логосъ. I. Москва 1910.—Его же: Zwei Wege der Erkenntistheorie. Kantstudien. Band XIV. H. 4 и др. его труды. Виндельбандъ. Прелюдіи. 23.

Уже довольно давно Е. В. Де-Роберти было предложено опредѣленіе философіи, повторенное имъ въ позднѣйшихъ работахъ и, въ частности, въ статьѣ «Le probléme sociologique et le problème philosophique» [1]). «Философская мысль глубоко отличается отъ научной,—пишетъ Де-Роберти.—Философъ (какъ метафизикъ, такъ и теологъ) пользуется наиболѣе зрѣлыми идеями своей среды и своего времени (или «частными синтезами» различныхъ наукъ), чтобы съ помощью ихъ воздвигнуть новое зданіе: *общій синтезъ міра*». Наука всегда—аналитична и гипотетична; философія—всегда синтетична и аподиктична. Критеріи «истинности» науки и «истинности» философіи совершенно различны, какъ различны критеріи «истинности» науки и художественнаго произведенія. Какъ эстетическія явленія на ряду съ наукой составляютъ особый видъ общественной мысли, такъ и философія на ряду съ этими видами составляетъ самостоятельный modus общественной мысли. Близко къ этому пониманію и опредѣленіе философіи проф. Петражицкаго, какъ «теоріи *реальнаго вообще*» [2]).

Г. Зиммель въ своей послѣдней работѣ приходитъ къ тому же опредѣленію философіи. Самая характерная черта философіи, говоритъ онъ, это желаніе «*мыслить безъ предпосылокъ*» [3]). Изъ этой черты философіи само собой вытекаетъ то, что для нея необязательны ни методы, ни истины частныхъ наукъ, ибо всѣ эти науки начинаютъ съ предпосылокъ, тогда какъ для философа не обязательна никакая предпосылка, что и даетъ ему право считать таковой то положеніе, которое диктуется ему его системой. Этимъ и объясняется то, что различные философы исходятъ изъ различныхъ предпосылокъ. «Das Recht und die Pflicht der Philosophie, sich mit grösserer Unabhängigkeit von dem Gegebenen, als sie in andern Erkenntnisprovinzen bestehet, ihr Objekt selbst zu

---

[1]) «Revue philosophique». (№ 11, 1911 г.), см. также «Новую постановку основ. вопросовъ соціологіи».

[2]) Петражицкій. «Введеніе въ изуч. права и нравственности».

[3]) G. Simmel. Hauptprobleme der Philosophie, Leipzig. 1911 г. стр. 8.

fixieren, bringen es mit sich, dass die verschiednen philosophischen Lehren auch von grundsätzlich verschiedenen Problemstellungen ausgehen»[1]).

Но будучи различными по своему содержанію, всѣ философскія системы имѣютъ нѣчто общее, а именно: *схватываніе міра въ его цѣлокупности и единствѣ.* «Man kann den Philosophen villeicht als denjenigen bezeichnen, der das aufnehmende und reagierende Organ *für die Ganzheit* des Seins hat» (можетъ-быть, можно философомъ назвать того, кто имѣетъ воспринимающій и реагирующій органъ для *цѣлостности бытія?*), говоритъ Зиммель. Всякій человѣкъ всегда къ чему-нибудь стремится: къ обезпеченію ли себя хлѣбомъ, или къ церковной догмѣ и т. д., философъ же (что бы онъ ни изучалъ), какъ философъ—онъ всегда хочетъ схватить цѣлокупность міра, дать его синтезъ, для чего онъ «имѣетъ особое чувство для воспріятія *цѣлостности* вещей и жизни и способность переводить это внутреннее созерцаніе или это чувство *цѣлостности* въ понятія и ихъ соединенія» [2]). Исторія философіи вполнѣ подтверждаетъ это опредѣленіе. Каждый философъ, какъ философъ, стремится именно къ этому охватыванію единства и цѣлокупности вещей. Это единство видѣли: то въ матеріи (Демокритъ), то въ идеѣ (Платонъ), то въ духѣ (Гегель), то въ волѣ (Шопенгауэръ) и т. д.

Это схватываніе цѣлокупности міра, единаго въ многообразіи, возможно двумя путями: или, *исходя изъ внѣшняго единаго абсолюта, мы сведемъ весь міръ къ этому абсолюту и введемъ его въ душу, или же, исходя изъ глубины нашего «я», построимъ весь міръ изъ него.* Первый путь—путь мистики [3]), второй путь—путь соллипсизма и кантіанства («Весь міръ—мое представленіе», или «Весь міръ—содержаніе моего сознанія»).

---

1) Ibid. 10.

2) Ibid. 12.

3) Сущность вещей—Богъ, всякая вещь есть обнаруженіе Бога, мое «я»—тоже реализовавшееся во мнѣ Божество. Отсюда—возможно познаніе міра и Бога, ибо міръ, Богъ и «я»—одно и то же...

Изъ этихъ свойствъ философіи само собой вытекаетъ, что критеріи цѣнности и «истинности» философіи и науки не одни и тѣ же. Наука всегда начинаетъ съ предпосылокъ и всегда при изученіи явленія анализируетъ его; ея синтезы суть всегда—частичные синтезы. Философія же хочетъ «мыслить безъ предпосылокъ»; она по существу—міровой синтезъ и, какъ таковая, имѣетъ свой критерій «истинности», отличный отъ истины научной, подобно тому, какъ эстетическія явленія имѣютъ свой критерій «истинности», не похожій на истину научную.

«Истинность» философіи,—по мнѣнію Зиммеля,—есть *типичность* реакціи *человѣческаго духа на единство и цѣлокупность міра*,—иначе говоря, *философія есть темпераментъ, разсматриваемый черезъ міровую картину* [1]). Философія, говоритъ Зиммель, «Zeichnet nicht die Objektivität der Dinge nach—das tun die «Wissenschaften» ins engeren Sinne,—sondern die Typen der menchlichen Geistigkeit, wie sie sich je an einer bestimmten Auffassung der Dinge offenbaren». Поэтому вполнѣ возможно, что ist Wahrheit überhaupt nicht der ganz angemessene Begriff, um den Wert einer Philosophie auszudrücken» [2]).

---

[1]) Ibid. 23—24. См. аналогичные взгляды у *Джемса*. (В. Джемсъ. «Прагматизмъ» изд. «Шиповникъ». 1-я лекція. «Исторія философіи является въ значительной мѣрѣ исторіей своеобразнаго столкновенія человѣч. темпераментовъ» и т. д., стр. 11 и др.).

[2]) Ibid. 27—30. «Она обозначаетъ не объективность вещей—это дѣлаютъ «науки» въ узкомъ смыслѣ,—но типы человѣческой «духовности», какъ они проявляются въ опредѣленномъ пониманіи вещей». «Можетъ-быть, истина вообще есть понятіе, совершенно несоизмѣримое, непригодное для того чтобы выразить цѣльность философіи».

Каждый философъ поэтому имѣетъ право утверждать, подобно Гегелю который въ отвѣтъ на указаніе, что его положенія противорѣчатъ фактамъ, сказалъ: «Тѣмъ хуже для фактовъ». Это значитъ, что «истинность» философіи опредѣляется не согласіемъ или несогласіемъ ея съ частичными фактами обязательными для частныхъ наукъ, а что она сама въ себѣ, въ своей самозаключенности и логическомъ единствѣ, носитъ критерій своей философской «истинности». Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать глубоко вѣрнымъ изреченіе Бл. Августина: «Credo quia absurdum»: не все абсурдное съ точки зрѣнія науки будетъ таковымъ съ точки зрѣнія философіи.

Ученія Шеллинга, Шопенгауэра, Платона и др. давнымъ давно уже опровергнуты съ точки зрѣнія науки, ибо всѣ они «противорѣчатъ фактамъ», однако они имѣютъ свою собственную цѣнность и «истинность», благодаря которымъ они такъ же нужны, какъ и науки [1]).

Изъ сказаннаго вполнѣ яснымъ становится, почему философія всегда изучала проблемы: «о сущности вещей», о «я», о взаимоотношеніи «я» и «не я», о смыслѣ и цѣнности міра, его развитіи и смыслѣ нашей жизни... Эти четыре проблемы составляютъ субстратъ всякой философіи и непосредственно вытекаютъ изъ даннаго опредѣленія ея.

Ограничившись этими краткими штрихами, характеризующими философію и философа (штрихи побочные,—однако, въ виду неясности понятія «философіи», необходимые для дальнѣйшаго), перейдемъ къ нашей темѣ.

---

1) См. близкіе взгляды Бергсона. («Время и свобода воли» и «Введеніе въ метафизику») и Паульсена («Введеніе въ философію»).

III.

«Со всѣми людьми, обращающимися къ наукѣ нашего времени не для удовлетворенія празднаго любопытства и не для того, чтобы играть роль въ наукѣ, и не для того, чтобы кормиться наукою, а обращающимися къ ней съ прямыми, простыми жизненными вопросами, случается то, что наука отвѣчаетъ имъ на тысячи разныхъ очень хитрыхъ и мудреныхъ вопросовъ, но только не на тотъ одинъ вопросъ, на который всякій разумный человѣкъ ищетъ отвѣта: на вопросъ о томъ, *что я такое и какъ мнѣ жить*», пишетъ Л. Н. Толстой въ «Ложныхъ наукахъ», и сказаннымъ сразу же выдвигаетъ двѣ основныя проблемы философіи, и кладетъ границу между наукой и философіей. Что это раздѣленіе на науку и философію, иначе «знаніе и мудрость» (разумъ), не случайно,—это видно изъ всего характера міровоззрѣнія Льва Николаевича.

«Умные не бываютъ учены, ученые не бываютъ умны», говоритъ онъ, цитируя Лао-Тсе («Ложн. науки», 15 стр.).

«Опытныя науки, когда ими занимаются ради нихъ самихъ, разрабатывая ихъ безъ всякой *руководящей философской мысли*, подобны лицу безъ глазъ»... (Ibid. 11) говоритъ онъ далѣе.

Тамъ же, въ § 7, онъ различаетъ два рода невѣдѣнія: «невѣдѣніе природное» и «невѣдѣніе» «истинно-мудраго», подъ которымъ онъ разумѣетъ массу ненужныхъ для жизни знаній, не отвѣчающихъ на основные вопросы: что такое я и какъ мнѣ жить.

Я не буду увеличивать цитатъ. Уже изъ сказаннаго видно, что Толстой ясно и рѣзко различаетъ два рода наукъ: и с т и н н ы я и л о ж н ы я н а у к и. Этого пока вполнѣ достаточно. Противорѣчитъ ли это Толстому, мы увидимъ дальше).

Итакъ, Толстой различаетъ ложныя знанія и истинную мудрость, иначе, философію... Это дастъ право и основаніе изучать его, какъ философа.

Выше мы указали, что основными проблемами философіи, вытекающими изъ ея сущности—мірообъемлющаго синтеза—являются: 1) проблема о сущности міра, 2) объ «я», 3) объ отношеніи или познаніи «я» и «не я» и 4) о цѣли и смыслѣ бытія... Эти вопросы всегда составляли сущность всякой философіи, и всякая философія, взявши что-нибудь за основную посылку, дедуктивно согласуясь съ своей посылкой, отвѣчала на всѣ эти вопросы... Въ этомъ согласіи съ своей основой и заключается критерій ея «истинности»,—типичнаго реагированія на единство міра.

Занимался ли этими вопросами Толстой?—Отвѣтъ ясенъ: вся дѣятельность Толстого—не художника—представляетъ не что иное, какъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, разрѣшеніе не путемъ научнаго анализа, а путемъ философскаго, мірообъемлющаго синтеза... Взявши опредѣленную посылку, Толстой послѣдовательно строитъ на ней цѣлую систему философіи, гдѣ каждый членъ съ логической необходимостью вытекаетъ изъ предыдущихъ посылокъ и является необходимымъ звеномъ въ этомъ стройномъ зданіи философскаго творчества, въ свою очередь обусловливающаго мельчайшія детали міровоззрѣнія и поведенія Льва Николаевича. Поэтому выхватывать изъ этой системы отдѣльные члены, какъ это дѣлаетъ проф. Исаевъ, и критиковать ихъ съ точки зрѣнія «фактовъ» и частной науки—значитъ не понимать сущности философіи. Толстой, какъ и Гегель, можетъ на подобную критику отвѣтить: «тѣмъ хуже для фактовъ».

Правда, Толстой не употребляетъ мудреныхъ философскихъ терминовъ: «трансцендентный, имманентный, феноменальный, ноуменальный», etc., по присутствію которыхъ часто относятъ человѣка къ «философамъ», но едва ли нужно указывать, что суть дѣла не измѣняется оттого, будемъ ли мы при рѣшеніи проблемы употреблять мудреныя слова или, вмѣсто мудреныхъ словъ, скажемъ простыми, понятными словами. (Впрочемъ, почему Толстой «простъ» — на это тоже есть свои причины: см. ниже).

IV.

Каковъ же отвѣтъ Толстого на основной вопросъ философіи: «что такое сущность міра» (вещь an und für sich), въ чемъ состоитъ единство его, облеченное въ разнообразныя многогранныя формы? Выше мы указали два типа мірообъемлющаго синтеза философіи: путь, исходящій изъ находящагося внѣ «я» абсолюта, и путь, исходящій изъ нашего «я». Толстой, несомнѣнно, идетъ первымъ путемъ. Постараемся кратко очертить его отвѣтъ.

«Я знаю, что во мнѣ *то, безъ чего ничего бы не было. Это-то и есть то, что я называю Богомъ*», такъ отвѣчаетъ Толстой на первый вопросъ философіи. «Всякій человѣкъ, думая о томъ, что онъ такое, не можетъ не видѣть того, что онъ не все, а особенная, отдѣльная часть *чего-то*», продолжаетъ онъ. «И понявъ это, человѣкъ обыкновенно думаетъ, что это *что-то*, отъ чего онъ отдѣленъ, есть тотъ міръ вещественный, который онъ видитъ... Но какъ только человѣкъ подумаетъ объ этомъ поглубже или узнаетъ о томъ, что думали объ этомъ мудрые люди міра, онъ узнаетъ, что это *что-то*, отъ чего люди чувствуютъ себя отдѣленными, не есть тотъ вещественный міръ, а есть что-то другое. Если человѣкъ поглубже подумаетъ объ этомъ, онъ пойметъ, что *вещественный міръ*, который никогда не кончится и которому нѣтъ и не можетъ быть предѣла, *не есть что-либо дѣйствительное, а есть только наша мечта* (посл. курсивъ мой), и что поэтому-то *что-то*, отъ чего мы чувствуемъ себя отдѣленными, есть нѣчто, не имѣющее ни начала, ни конца, ни по времени, ни по мѣсту, а есть нѣчто невещественное, духовное, что человѣкъ признаетъ своимъ началомъ, и есть то, что всѣ мудрые люди называли и называютъ *Богомъ*». (Л Толстой. «Путь жизни», изд. «Посредника». Богъ, 2 и 3 стр.).

Итакъ, условіе всякаго бытія, основа міра всего—есть Богъ. *Богъ это логическій prius, безъ котораго ничто не понято и ничто не возможно.* «Доказывать, что есть Богъ!—восклицаетъ Толстой.—Можетъ ли быть что-нибудь глупѣе мысли—доказывать Бога? Доказывать Бога—все равно, что доказывать свою жизнь. Доказывать кому? Чѣмъ? Для чего? *Если нѣтъ Бога, то ничего нѣтъ.* Какъ же Его доказывать? Богъ есть. Намъ не нужно Его доказывать». (Тамъ же, 16 стр, См. также стр. 15, § 5).

Разъ сущность вещей, основа бытія есть Богъ, а вещественный міръ есть только нѣчто кажущееся, «наша мечта», спрашивается, каковы же свойства Бога? Что Онъ такое для насъ и что такое Онъ самъ an und für sich, познаваемъ ли Онъ или нѣтъ? Если познаваемъ, то какъ и почему возможно Его познаніе?

Анализируя понятіе Бога Толстого, мы встрѣчаемъ прежде всего рядъ отрицательныхъ опредѣленій.

Прежде всего, *Богъ есть нѣчто невещественное и духовное.* Разъ Богъ есть основа всякаго бытія и жизни, а тѣлесное есть нѣчто кажущееся,—понятно, что Богъ не можетъ быть вещественнымъ.

Вторымъ характернымъ признакомъ Божества является Его безконечность и неисчерпаемость, влекущая за собой то, что мы не можемъ исчерпать Его нашимъ умомъ. *Для интеллекта Богъ непознаваемъ* весь: «Бога нельзя познать разумомъ»,—говоритъ Толстой.—«Нельзя разумомъ понять, что есть Богъ и что есть душа въ человѣкѣ; и также нельзя понять того, что нѣтъ Бога и что нѣтъ души въ человѣкѣ», настойчиво повторяетъ онъ. Итакъ, Богъ непознаваемъ разумомъ, таковъ I-й выводъ, сближающій Толстого съ критицизмомъ и агностицизмомъ. Но значитъ ли это, что Онъ вообще непознаваемъ? Нѣтъ, не значитъ. Сближаясь съ агностицизмомъ въ непознаваемости Бога разумомъ, Толстой совершенно отходитъ отъ него, дѣлая орудіемъ познанія *чувство.* Въ этомъ онъ сходится съ мистиками вообще и съ новѣйшими философами (напр., съ Бергсономъ,

дѣлающими орудіемъ абсолютнаго познанія такъ называемую «интуицію, по существу представляющую то, что Толстой называетъ «чувствомъ». «*Чувствовать Бога въ себѣ можно и не трудно. Познать же Бога,* что Онъ такое—*невозможно и ненужно*». «*Чувствовать* Бога можетъ всякій, но познать Его не можетъ никто. И потому не старайся познавать Его, а старайся, исполняя Его волю, все живѣе и живѣе *чувствовать* Его въ самомъ себѣ». (Тамъ же, 12 стр.).

Богъ невыразимъ въ словахъ и понятіяхъ, ибо если бы Онъ былъ выразимъ, то нельзя было бы больше стремиться къ Нему, не было бы тогда жизни, и Онъ не былъ бы безконечностью. Поэтому, «даже мѣстоименіе «Онъ»,—говоритъ Толстой,—относимое къ Богу, уже нѣсколько нарушаетъ для меня все значеніе Его. Слово «Онъ» какъ-то умаляетъ Его». При желаніи можно было бы провести очень близкую аналогію между ролью интеллекта по Толстому и такъ называемымъ «кинематографическимъ способомъ мышленія» Бергсона, [1]) съ одной стороны, между «чувствомъ» Толстого и «интуиціей» Бергсона—съ другой.

Итакъ, Богъ не вполнѣ познаваемъ, но вполнѣ «чувствуемъ». Мы не можемъ Его выразить, но можемъ вполнѣ чувствовать (см. ниже).

Каковы же теперь тѣ Его свойства, которыя мы познали и можемъ выразить въ словахъ? Это *любовь, разумъ, абсолютное совершенство, истина и абсолютная разумная воля.* «Любовь и разумъ, говоритъ Толстой, это тѣ свойства Бога, которыя мы сознаемъ въ себѣ, но то, что Онъ самъ въ себѣ, этого мы не можемъ знать». «Человѣку нужно любить, а любить по-настоящему можно только то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. И потому должно быть и то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. *А такое существо, въ которомъ нѣтъ ничего дурного, и есть только одно: Богъ*». Далѣе: «Человѣкъ не можетъ не чувствовать, что его жизнью что-то дѣлается, что онъ чье-то орудіе. А если онъ орудіе чье-то, то и есть тотъ, кто ра-

---

[1]) См. А. Бергсонъ. «Творческая эволюція» и «Введеніе въ метафизику».

ботаетъ этимъ орудіемъ. *Вотъ этотъ тотъ, кто имъ работаетъ, и есть Богъ»* (Тамъ же, 5, 6, 11 стр.). «Высшая воля и есть то, что мы понимаемъ и называемъ Богомъ». «Всякая истина отъ Бога». (Л. Н. Толстой. «Путь жизни». Изд. «Посредника». «Душа», стр. 10).

Таковы, вкратцѣ, познанныя свойства Бога и таковъ отвѣтъ Толстого на первый вопросъ философіи. Итакъ *сущность вещей есть Богъ. Онъ не вполнѣ познаваемъ разумомъ, но вполнѣ познаваемъ чувствомъ (интуиціей); познанныя свойства Бога есть любовь, разумъ, абсолютное совершенство и абсолютная воля.* Этимъ отвѣтомъ Толстого уже предрѣшены всѣ его отвѣты на остальныя проблемы философіи...

V.

Если сущность вещей (логическій prius бытія)—есть Бо
то ясно, что наше «я» или «душа», какъ часть всего, есть н
что иное, какъ часть Бога. «Неосязаемое, невидимое, безтѣ
лесное, дающее жизнь всему существующему, само въ себѣ
мы называемъ Богомъ. *То же неосязаемое, невидимое, безтѣлесное
начало, отдѣленное тѣломъ отъ всего остальнаго и сознаваемое нами
собою, мы называемъ душою*». Такъ какъ тѣлесное—Майи—кажу
щееся, то понятно, что душа духовна. Богъ это безпредѣльный
океанъ, душа—часть этого океана, заключенная въ тѣлесну
оболочку. («Путь жизни». Душа, 3 стр.). Все тѣлесное—Ма
поэтому оно постоянно мѣняется, вѣчно «течетъ», душа
едина и неизмѣняема, какъ единъ и тождественъ самъ се
Богъ. «Человѣкъ, если прожилъ долгій вѣкъ, то прожилъ
много перемѣнъ—былъ сначала младенцемъ, потомъ дитятей
потомъ взрослымъ, потомъ старымъ. Но какъ ни перемѣ
нялся человѣкъ, онъ всегда говорилъ про себя «я». *И этотъ
«я» былъ въ немъ всегда одинъ и тотъ же.* Тотъ же «я»
былъ въ младенцѣ, и въ взрослomъ, и въ старикѣ. *Вотъ это-
то неперемѣнное «я» и есть то, что мы называемъ душой*
(Тамъ же, 3).

Какъ часть Бога, она обладаетъ всѣми его свойствами
Такъ же, какъ Богъ, она невыразима. (*Словами мы не можем
сказать, что такое это «я», но знаемъ мы это «я» лучше всѣ
того, что знаемъ*»). Какъ Богъ является условіемъ и осново
всякаго бытія, такъ и душа является *для насъ* условіемъ вся
каго знанія и бытія. «Мы знаемъ, говоритъ Толстой, что ни
будь въ насъ этого «я», то мы ничего бы не знали, не было
бы для насъ ничего на свѣтѣ и насъ самихъ бы не было».
(Тамъ же, 3—4).

Такъ же, какъ Богъ, душа разумна, и совершенна, какъ ь—она любовь и воля...

ковъ отвѣтъ Толстого на второй вопросъ философіи, съ логической необходимостью выведенный изъ перположенія о сущности и условіи всего бытія.

.зъ этихъ двухъ положеній само собой вытекаетъ рѣніе 3-й проблемы философіи: *какъ возможно познаніе сущности вещей an und für sich?* какъ возможно познаніе Бога?

Такъ какъ Богъ есть сущность вещей, основа бытія, а душа есть часть этого бытія, то душа и Богъ—одно и то же. Если же душа и Богъ одно и то же, то наше «я» (душа) можетъ абсолютно познать Бога, ибо «Богъ живетъ во мнѣ» и «я въ немъ». Мы не можемъ выразить ни душу, ни Бога словами, но мы *знаемъ*, непосредственно чувствуемъ или переживаемъ Бога... «Когда я размышляю, то мнѣ трудно понять, что такое мое тѣло, чѣмъ то, что такое моя душа. Какъ ни близко тѣло, оно все-таки *чужое*, только душа *своя*.

«Я для Бога—другой Онъ. Онъ во мнѣ находитъ то, что вѣчно будетъ подобно Ему» (11 стр.). «Познать Бога можно только въ себѣ. Пока не найдешь Его въ себѣ, не найдешь Его нигдѣ». («Путь жизни». Богъ, стр. 4).

Богъ и душа—тождественны, поэтому возможно абсолютное познаніе Бога.

Выводъ, какъ видите, логически вполнѣ правильный и необходимый... Таково рѣшеніе третьей проблемы философіи...

Изъ этого послѣдняго рѣшенія непосредственно вытекаетъ кажущееся на первый взглядъ парадоксальнымъ отношеніе Толстого къ наукѣ, противъ котораго особенно возстаетъ проф. Исаевъ.

Наука изучаетъ то, что передаютъ намъ органы чувствъ, т.-е. міръ внѣшній, вещественно-матеріальный, а не самую основу бытія... Внѣшній же міръ, какъ уже выше было указано, по мнѣнію Толстого, есть только нѣчто кажущееся—«наша мечта», а не подлинно-сущее (Сравни съ Кантовскимъ «явленіемъ»). Отсюда ясно, что и науки, изучающія

это «кажущееся», не суть истинныя науки, а только науки о «мнимомъ», поэтому и цѣнность ихъ невысока [1]).

«Если человѣкъ думаетъ, что все, что онъ видитъ вокругъ себя, весь безконечный міръ точно таковъ, какимъ онъ его видитъ, то онъ очень ошибается. Все тѣлесное человѣкъ знаетъ только потому, что у него такое, а не иное зрѣніе, слухъ, осязаніе. *Будь это чувства другія—и весь міръ былъ бы иной.* Такъ что мы не знаемъ и не можемъ знать, каковъ тотъ тѣлесный міръ, въ которомъ мы живемъ. Одно, что мы вѣрно и вполнѣ знаемъ, это нашу душу», говоритъ онъ. «*Все то, что вещественно въ этомъ мірѣ, мы не можемъ знать, каково оно въ самомъ дѣлѣ. Вполнѣ извѣстно намъ только то, что духовно въ насъ самихъ*»... (Тамъ же, 3 и 5).

Изъ этихъ словъ видно, что и Толстой во главу знанія ставитъ истину, истину абсолютную и достовѣрную; все же относительное, недостовѣрное (каковыми являются, по его мнѣнію, знанія о фактахъ и внѣшнемъ мірѣ)—Толстой и ценитъ невысоко... Это его мнѣніе, вопреки проф. Исаеву, не парадоксъ и не эксцентричность, а необходимый выводъ изъ всей его философской конструкціи (см. выше стр. 5). Обычная наука, по Толстому, знаетъ много пустяковъ, но не знаетъ главнаго: Бога, души и смысла жизни, а такъ какъ только послѣдніе намъ достовѣрно извѣстны (чувство), а первые представляютъ относительныя знанія о мнимомъ, то, понятно, что и цѣнность послѣднихъ очень невысока... Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Толстой очень близко подходитъ къ Канту съ его дуализмомъ феноменальнаго и ноуменальнаго.

---

[1]) Сравни это съ Бергсоновскимъ пониманіемъ интеллектуальнаго познанія, какъ познанія символическаго, и интуитивнаго познанія, какъ познанія абсолютнаго. См. его „Введеніе въ метафизику“, „Воспріятіе измѣнчивости“ и „Философская интуиція“.

VI.

Теперь остается охарактеризовать рѣшеніе Толстымъ четвертой проблемы философіи: о *смыслѣ и цѣнности жизни.* Эта проблема занимаетъ доминирующее положеніе въ философіи Толстого, и при томъ настолько доминирующее, что его очень легко принять за прагматиста, выдвигающаго критеріемъ истинности принципъ пользы и годности для жизни. Однако, болѣе внимательное изученіе показываетъ, что ни о какомъ прагматизмѣ Толстого рѣчи быть не можетъ, и что вопросъ «какъ мнѣ жить», равно и рѣшеніе его, есть необходимый логическій выводъ изъ указанныхъ принциповъ его философіи...

Такъ какъ Богъ источникъ всякой жизни, то и жизнь есть не что иное, какъ проявленіе Бога или часть Бога, стремящаяся къ возсоединенію съ Нимъ... «Жизнь человѣка и благо его во все большемъ соединеніи души, отдѣленной тѣломъ отъ другихъ душъ и отъ Бога, съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена». («Путь жизни». Жизнь—благо, 3 стр.).

Если жизнь есть проявленіе Бога и стремленіе къ Нему, а Богъ есть—благо, то и жизнь его благо. Таковъ силлогизмъ Толстого. «По ложному ученію», говоритъ Толстой, жизнь въ этомъ мірѣ—зло, благо же достигается только въ будущей жизни».

«По истинному христіанскому ученію, цѣль жизни—благо, и благо это получается здѣсь. Истинное благо въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь, слѣдуетъ за доброй жизнью». (См. тамъ же, стр. 3—4).

Такъ какъ часть Бога заключена въ человѣкѣ (душа), а Богъ есть благо, поэтому и благо внутри насъ.—Таковъ новый выводъ Толстого. «Богъ вошелъ въ меня и черезъ меня ищетъ своего блага», говоритъ онъ. «Какое же можетъ быть благо Бога? Только то, чтобы быть собою». «Какого

же тебѣ еще блага, когда въ тебѣ Богъ и весь міръ?»—спрашиваетъ онъ. («Жизнь—благо», стр. 5—7). «Если рай не в тебѣ самомъ, то ты никогда не войдешь въ него», цитируетъ онъ Августина.

Изъ сказаннаго опять-таки видно, что положеніе: *«Царство Божіе внутри насъ»—не парадоксъ, а необходимый выводъ изъ основныхъ посылокъ.* Итакъ—жизнь есть цѣнность и высшее благо. Ея смыслъ заключается во все бо́льшемъ и бо́льшемъ воссоединеніи со своей первоосновой—Богомъ. «Жизнь человѣческая есть неперестающее воссоединеніе отдѣленнаго тѣломъ духовнаго существа съ тѣмъ, съ чѣмъ оно сознаетъ себя единымъ. Понимаетъ или не понимаетъ это человѣкъ, хочетъ онъ или не хочетъ, воссоединеніе это неудержимо совершается тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ жизнью человѣческой. Разница между людьми, не понимающими своего назначенія и не хотящими его исполнять, и понимающими его и желающими жить сообразно ему, въ томъ, что жизнь не понимающихъ его есть неперестающее страданіе, жизнь же понимающихъ и исполняющихъ назначеніе—неперестающее, увеличивающееся благо» (Тамъ же, 9). «Всякое страданіе есть только Майи, проистекающее изъ того, что человѣкъ не сознаетъ своего единства съ Богомъ, а видитъ въ себѣ только тѣлесную личность: Ивана, Мавру и т. д. Отсюда и вытекаетъ, что, не сознавая въ себѣ Бога, онъ становится рабомъ и несчастнымъ, сознавая же Его,—онъ дѣлается «свободнымъ, всемогущимъ и не знаетъ зла»... И чѣмъ больше онъ сознаетъ Его въ себѣ, чѣмъ сильнѣе стремится къ Нему, тѣмъ осмысленнѣе становится его жизнь Это высшая и конечная цѣль, по отношенію къ которой всякая другая цѣль становится относительной. Всякая другая цѣль по достиженіи ея перестаетъ быть цѣлью, говоритъ Толстой, стремленіе же къ Богу никогда не теряетъ своего значенія, ибо Богъ есть высшее, конечное совершенство, «не теряетъ своего радостнаго значенія одно: сознаніе своего движенія къ совершенству» (стр. 10), иначе говоря, стремленіе къ Богу есть высшій регулятивный принципъ.

Изъ этого принципа, въ свою очередь, вытекаютъ слѣдующіе тезисы:

а) Если смыслъ жизни въ возсоединеніи съ Богомъ, то необходимо возсоединеніе съ другими людьми, ибо Богъ заключенъ въ нихъ.

Отсюда—*общезначимость блага.* «Настоящихъ благъ немного. Только то истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ. Поэтому желать надо только того, что согласно съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль—пріобрѣтетъ себѣ благо» (Тамъ же, 11 стр.). Этотъ тезисъ есть не что иное, какъ извѣстный принципъ: «поступай съ другими такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы съ тобой поступали».

b) Изъ него же вытекаетъ, что *для соединенія съ Богомъ нужно не только соединеніе съ людьми, но и со всѣмъ живымъ, ибо и оно есть частица Бога.* «Мы сердцемъ чувствуемъ, что то, что мы живемъ, то, что мы называемъ своимъ настоящимъ «я», то же самое не только въ каждомъ человѣкѣ, но и въ собакѣ, и въ лошади, и въ мыши, и... даже въ растеніи». Отсюда императивъ: «познай самого себя не только въ человѣкѣ, но во всякомъ живомъ существѣ; не убивай и не причиняй страданія и смерти». («Одна душа во всѣхъ», стр. 7).

c) Такъ какъ Богъ есть благо и любовь, то и *возсоединеніе съ Нимъ есть любовь.* «Соединеніе это дѣлается тѣмъ, что душа, проявляясь любовью, все больше и больше освобождается отъ тѣла». Отсюда тезисъ: «для того, чтобы навѣрное быть счастливымъ, надо только одно: «люби, люби всѣхъ—и добрыхъ и злыхъ. Люби не переставая,—и не переставая будешь счастливъ». «Жизнь моя—не моя»,—пишетъ Толстой,—и потому и цѣлью ея не можетъ быть только мое благо: цѣль ея можетъ быть только то, чего хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ жизнь. Хочетъ же Онъ любви всѣхъ ко всѣмъ, того самаго, въ чемъ и мое общее благо». («Жизнь—благо». 1, 12 и 13 стр.).

d) А изъ сказаннаго вытекаетъ и *отрицаніе Толстымъ тѣлесной жизни,—тезисъ парадоксальный съ перваго взгляда.* Тѣло и

вещество есть граница, отдѣляющая нашу душу—часть Божества—отъ своей первоосновы; оно мѣшаетъ возсоединенію съ Нимъ и поэтому должно быть ограничиваемо и преодолѣваемо. Отсюда тезисъ: «чѣмъ больше живетъ человѣкъ для тѣла, тѣмъ больше онъ лишается истиннаго блага». «Одни люди ищутъ блага во власти, другіе—въ любознательности, въ наукахъ, третьи—въ наслажденіяхъ»... Тѣ же, которые болѣе другихъ приблизились къ истинной философіи, поняли, что всеобщее благо—предметъ стремленія всѣхъ людей—не должно заключаться ни въ одной изъ частныхъ вещей, которыми могутъ владѣть только одни, а... истинное благо должно быть таково, чтобы имъ могли обладать всѣ сразу, безъ убыли его и безъ зависти, и чтобы никто не могъ потерять его помимо своей воли. И благо это есть, *благо это въ любви*» (Тамъ же, 14, 15).

β) *Равенство*. Разъ «основа жизни человѣка есть живущій въ немъ Духъ Божій—одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ», поэтому «люди не могутъ не быть всѣ равны между собой» («Неравенство», стр. 3). «Какіе бы ни были сами люди и какіе бы ни были ихъ отцы и дѣды, всѣ люди такъ же равны, какъ двѣ капли воды, потому что во всѣхъ живетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій». «Только тотъ, кто не знаетъ того, что въ немъ живетъ Богъ, можетъ считать однихъ людей болѣе важными, чѣмъ другихъ» (Ibid., 11 стр.).

Тутъ мы видимъ полную параллель Толстого съ Кантомъ. И для Канта всякій человѣкъ—самоцѣль, и всѣ равны между собой не потому, что они, какъ люди, самоцѣли, а потому, что каждый человѣкъ есть воплощеніе разумной воли—абсолютнаго добра и, какъ таковой, равенъ другому (см. «Основоположенія метафизики нравовъ» Канта). И большинство философскихъ теорій обосновали принципъ равенства именно этимъ путемъ. Только недавно была сдѣлана попытка обосновать этотъ принципъ иначе [1]).

---

[1]) Объ этомъ см. Simmel. Die probleme der Geschichtsphilosophie. 3-e. изд., стр. 73—83.

Но, какъ указано было выше, отсюда же вытекаетъ, что не только люди, но и все живое равно одно другому. (См. «Одна душа во всѣхъ»). Понятнымъ поэтому становится мотивъ «Неужели это такъ надо» и др. родственныхъ произведеній,—равнымъ образомъ, и такія детали міровоззрѣнія Толстого, какъ вегетаріанство.

Изъ этого же принципа вытекаютъ и тѣ мотивы, которые проводитъ Толстой въ «Что такое искусство». Всякое искусство, которое понятно только отдѣльнымъ личностямъ, а не всѣмъ,—есть ложное искусство, ибо оно дифференцируетъ человѣчество, увеличиваетъ неравенство, и поэтому оно должно быть отвергнуто [1]). Этимъ и объясняется то, что Толстой критеріемъ художественности ставитъ заразительность нравственными переживаніями. обратной стороной которой является универсальность и понятность. (См. его оцѣнку сказанія объ Іосифѣ.)

Помимо указаннаго выше принципа, не въ малой степени тотъ же принципъ равенства является причиной отрицанія Толстымъ «мудрованій» и ложной науки, изучающей тысячи «пустыхъ вещей», излагающей ихъ мало понятнымъ языкомъ и тѣмъ самымъ дифференцирующей людей (См. выше, стр. 6).

Изъ этого же принципа (въ свою очередь производнаго отъ другихъ высшихъ принциповъ) вытекаетъ и его требованіе «опрощенія».

Понятнымъ становится и его непримиримость съ такими ученіями, какъ ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ. морали господъ и рабовъ и т. д. Тотъ и другой—два полюса и совмѣщены быть не могутъ.

---

1) И само пониманіе искусства Л. Н. есть простой выводъ изъ всей его системы. Высшая цѣнность есть Богъ—благо. Красота и истина — цѣнности подчиненныя. Онѣ суть только средства, способствующія реализаціи блага. Отсюда—хорошее искусство есть лишь то искусство, которое способствуетъ достиженію блага, т.-е. проповѣдуетъ и заражаетъ людей чувствами любви, прощенія и т. д. (См. «Что такое искусство», изд. «Посредника». Стр 68, 52, 202—203 и др.). Тѣ же произведенія, которыя заражаютъ иными чувствами, т.-е. не ведутъ къ благу,—суть «блудницы», «развратъ и т. д.

И вся дѣятельность Толстого—не-художника была великимъ выполненіемъ своего принципа, великимъ уравненіемъ богатыхъ и бѣдныхъ міра сего, ученыхъ и «невѣждъ», господъ и рабовъ. Извлекая лучшее изъ того, что добыто человѣческой мыслью, онъ претворялъ его въ своемъ философскомъ творчествѣ, приводилъ въ связь со всей своей системой, и давалъ въ результатѣ эти мысли въ ясномъ и простомъ изложеніи, одинаково понятномъ и ученому и безграмотному.

Я не буду выводить дальнѣйшія детали міровоззрѣнія и поведенія Толстого изъ его основныхъ принциповъ. (При желаніи можно было бы и это показать.) Уже изъ сказаннаго видно, что философія Толстого представляетъ единое цѣлое, гдѣ каждая часть связана съ другой и логически вытекаетъ изъ предыдущей. И это наблюдается не только в основныхъ принципахъ, но и во всѣхъ деталяхъ его философіи и жизни. *Принявъ за основное положеніе тезисъ: сущность и основа Бытія и жизни есть Богъ,—Толстой шагъ за шагомъ вполнѣ послѣдовательно выводитъ свою систему: разъ сущность міра Богъ, то и мое «я»—Богъ, ибо «я» часть міра; разъ Богъ и «я» одно и то же, то я могу познать Его. Если я позналъ его, то смыслъ и цѣль моей жизни—стремиться къ Нему. Такъ какъ Онъ есть Благо и Любовь, то и мое стремленіе къ Нему является любовью; такъ какъ Онъ заключенъ въ другихъ «я» и во всемъ живомъ, то, стремясь къ Нему, я долженъ стремиться къ другимъ и ко всему живому. А изъ этого тезиса уже сами собой вытекаютъ всѣ тѣ принципы, главнѣйшіе изъ которыхъ мы перечислили выше.*

Изъ этого видно, что критика проф. Исаева врядъ ли можетъ быть признана удачной. Можно не соглашаться съ системой Толстого, можно ее отрицать, но отрицать ея стройность и логичность едва ли позволительно [1]). Конечно, это можно сдѣлать, но подобная попытка по своему существу должна быть неудачной.

---

[1]) Несомнѣнно, у Толстого есть и неясности (главнымъ образомъ, во взаимоотношеніи Бога и веществ. міра), но анализъ ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ въ виду важности для насъ здѣсь общей системы его философіи

VII.

Заканчивая свою краткую характеристику философской системы Толстого, мнѣ хотѣлось бы остановиться еще на одномъ пунктѣ его философіи и ея значеніи для насъ.

Въ области художественнаго творчества, какъ извѣстно, имѣется различіе типовъ національныхъ и общечеловѣческихъ. И это различіе касается не только самихъ типовъ, ъ продуктовъ художественнаго творчества опредѣленго художника, но наряду съ этимъ говорится и о самихъ художникахъ и о всемъ характерѣ ихъ творчества, какъ явленіяхъ національныхъ, какъ выразителяхъ психо-соціальнаго уклада опредѣленной соціальной группы или народа.

До извѣстной степени допустимымъ кажется это явленіе и въ области философіи. Выше мы указали, что философія есть типическій темпераментъ, разсматриваемый черезъ міровую картину, въ противоположность художественному творчеству, которое является міровой картиной, разсматриваемой черезъ темпераментъ. Если это дѣйствительно такъ, то уже сама *типичность* темперамента предполагаетъ, до извѣстной степени, то, что онъ долженъ быть не темпераментомъ индивида, а темпераментомъ группы, класса или народа... Исторія философіи отчасти подтверждаетъ это явленіе... Такъ, для грековъ философомъ національнымъ является Платонъ съ его застывшимъ, «твердымъ» царствомъ идей, а не Гераклитъ съ его «все течетъ», ибо и «становленіе» Гераклита говоритъ о томъ же застывшемъ: его «становленіе» не есть *непрерывный* процессъ, а есть не что иное, какъ синтезъ двухъ «твердыхъ» понятій: бытія и небытія; только сложивъ ихъ онъ можетъ получить «становленіе»; непрерывное измѣненіе, дифференціальный методъ грекамъ не извѣстны.

Сама попытка создать «становленіе» говоритъ о томъ же «твердомъ» бытіи. (Вспомните, помимо Гераклита, Зенона съ его не движущейся стрѣлой). Точно такъ же типичными философами нѣмцевъ являются Кантъ и Гегель съ ихъ абстрактнѣйшими строго логическими системами, совершенно отрѣшенными, отъ всякаго эмпиризма. Для англичанъ, наоборотъ, характерны великіе эмпирики: Милль и Спенсеръ. Типичнымъ философомъ французовъ, вѣроятно, всѣ бы назвали Конта.

Конечно, это дѣленіе, до извѣстной степени, относительно, но, тѣмъ не менѣе, думается, что доля правды въ немъ есть.

Подходя съ этой точки зрѣнія къ Толстому, можетъ быть, не будетъ ошибкой, если мы назовемъ его самого и его философію типичными именно для русскихъ.

Оглядываясь на прошлое нашей исторіи и, въ частности, на исторію интеллигенціи въ Россіи, мы видимъ, что вся она есть сплошное самопожертвованіе, постоянное и неустанное «положеніе души за други своя», постоянная яркая любовь, не останавливающаяся ни передъ какими жертвами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, едва ли гдѣ найдется бо̀льшаго отрицанія всякихъ сословныхъ и національныхъ границъ, чѣмъ въ Россіи... Не даромъ еще славянофилы мечтали о роли Россіи, какъ примирительницы всѣхъ народовъ, какъ о Великой Любви, дѣлающей всѣхъ народовъ братьями; не даромъ объ этомъ говорилъ Достоевскій и съ извѣстными оговорками принималъ В. Соловьевъ. Точно такъ же не безъ причины оказывается вся исторія русской литературы сплошнымъ героизмомъ, постоянной проповѣдью идеаловъ любви и правды, постояннымъ «призывомъ къ подвигу», какъ совершенно вѣрно утверждаетъ С. А. Венгеровъ [1]).

Съ другой стороны—любовь эта была не раціоналисти-

---

[1]) См. С. А. Венгеровъ. „Героическій характеръ русской литературы". Его же. „Въ чемъ очарованіе русской литературы".

ческой, надуманной, а непосредственной, чисто *мистической*. Этотъ мистицизмъ опять-таки, кажется, не случаенъ для насъ... Безконечныя снѣжныя равнины, пѣсни вьюги, длинныя сумерки и безконечные лѣса вмѣстѣ съ скорбью нашей жизни еще въ древности настроили душу русскаго человѣка на мистическій ладъ. Возьмите наши сказки, былины и, въ особенности, пѣсни—развѣ не чувствуется въ нихъ на ряду съ тоской глубокой тайны?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ можно Достоевскаго представить не русскимъ, а хотя бы нѣмцемъ или французомъ? Едва ли. Карамазовыхъ и Раскольниковыхъ могъ создать только Достоевскій, а не кто другой. Вспомнимъ и то, что главный упрекъ, брошенный западной наукѣ Соловьевымъ (и до него), былъ именно упрекъ въ излишкѣ раціонализма и пренебреженіи «чувства»»—мистичности...

Если принять во вниманіе другіе подобные примѣры, то можетъ-быть, не покажется страннымъ, что именно двѣ черты доминируютъ въ системѣ Толстого: мистицизмъ и любовь.

Исторія философіи знаетъ много «сущностей міра». Такими «сущностями» объявлялись то матерія, то духъ, то воля, то логосъ и т. д. Но едва ли въ какой-нибудь философской системѣ такъ рѣзко и ясно былъ объявленъ за «сущность вещей» Богъ, основнымъ атрибутомъ котораго является л ю б о в ь, не знающая границъ и предѣла, любовь не «умственная», а непосредственно-живая.

Научная библ.
им. Горького
при ЛГУ

Въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ продается книга того же автора:

„Преступленіе и кара, подвигъ и награда“.

Соціологическій этюдъ объ общ. поведеніи и морали. Съ пред. М. М. Ковалевскаго.

506 стр. Ц. 2 р. 75 к., 1914 г.

Складъ изданія: «Право», СПБ, Литейный, 28.

Изъ отзывовъ печати: „По оригинальности сужденій и богатству матеріала книга г. Сорокина, несомнѣнно, составитъ одно изъ значительнѣйшихъ явленій въ нашей ссціологической литературѣ“. **Проф. А. Погодинъ.** („Рѣчь“. № 309, 1913.)

....„Книга г. Сорокина безъ преувеличенія можетъ быть названа научнымъ событіемъ: въ лицѣ этого молодого, но вполнѣ овладѣвшаго научнымъ матеріаломъ и несомнѣнно одареннаго творческими талантами изслѣдователя, соціологія пріобрѣла ревностнаго защитника и достойнаго представителя“....(„День“. №313, 1913.

....„Я радъ отмѣтить появленіе въ нашей скудной оригин. соціологической литературѣ новаго интереснаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ новаго молодого изслѣдователя....Въ книгѣ г. Сорокина поставлено и освѣщено много чрезвычайно большихъ и важныхъ вопросовъ соц. философіи, о которыхъ можно и должно говорить много“....**В. Черновъ.** („Завѣты“. 12, 1913.)

....Если исключить детали, то въ книгѣ „остается цѣнное и прекрасно освѣщенное ядро....Всюду авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и умѣнье обрабатывать громадный сырой матеріалъ“....(„Юрид. Вѣстникъ“, IV, 1913.)

....„Вся книга блещетъ стремленіемъ къ самостоятельности, къ самобытности и желаніемъ критически проникнуть въ тайны соціальнаго бытія. Нельзя не отдать автору должнаго въ талантливости и строгости научнаго мышленія“....(„Право“. 44,1913.)

„Съ чувствомъ благодарности къ молодому ученому закрываешь его интересную и цѣнную книгу“. „Вѣстн. Европы“. I. 1914.)

См. также: „Отклики Кавказа“ № 3, 1914 г., „Эхо“, „Научный историческій журналъ“ № 3.

1
7729

Изданія „ПОСРЕДНИ

Произведенія Л. Н. Толстого.

Путь жизни. Послѣдній большой трудъ Л. Н. Толстого, порученный имъ для перваго изданія издательству „Посредникъ". Въ одномъ томѣ и съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова о томъ, какъ Левъ Николаевичъ составлялъ „Путь жизни". Ц. 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

О смерти. Мысли разныхъ писателей. Ц. 2 к.

Первая ступень. Ц. 3 к.

Праздникъ просвѣщенія 12-го января. Ц. 5 к.

Религія и нравственность. Ц. 7 к.

Ручной трудъ и умственная дѣятельнсть. Ц. 4 к.

Свобода. Избранныя мысли. Ц. 10 к.

Такъ что же намъ дѣлать? Выпускъ первый. Изд. 2-ое. Ц. 20 к., на лучш. бум. 30 к. Выпускъ второй. Изд. 3-е. Ц. 20 к., на лучш. бум. 30 к.— оба выпуска вмѣстѣ. Ц. 50 к., на лучш. бум. 70 к., на прост. бум. 30 к.

Требованія любви. Ц. 5 к.

Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе временъ апостоловъ. Переводъ съ греческаго и введеніе Л. Толстого. Ц. 3 к.

Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. Ц. 20 к.

Христіанское ученіе. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Что же дѣлать? Ц. 3 к.

I. Чьи мы? II. О вѣрахъ. Ц.

Книги о Л. Н. Толстомъ.

АЛЕКСАНДРОВЪ, С. Ученіе Л. Н. Толстого о жизни. Ц. 15 к.

БИРЮКОВЪ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ. (Воспоминанія и письма Л. Н. Толстого.) Томъ I. Съ 30 иллюстраціями. 520 стр. Ц. 2 р. 20 к. Въ роскошн. коленкоров. переплетѣ 2 р. 75 к. Въ этотъ томъ вошли неизданныя письма и воспоминанія Л. Толстого.

То же. Томъ II. Съ иллюстраціями. 483 стр. Ц. 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 60 к., въ роскошн. перепл. 3 р.

Краткая общедоступная біографія Л. Н. Толстого. (Къ 80-лѣтнему юбилею.) Со спискомъ сочиненій Л. Н. Толстого въ хронологическомъ порядкѣ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к., въ перепл. 40 к.

ЛЕБРЕНЪ, В.—Л. Н. Толстой (Воспоминанія и думы.) (Печатается).

Содержаніе: Первое знакомство. Секретарство. День Л. Н. Толстого. Причины ухода. Особенность міросозерцанія Л. Н. Толстого. О „Богѣ" Л. Н. Толстого. Отношеніе Л. Н. Толстого къ наукѣ. Вліяніе Л. Н. Толстого. О почтеніи памяти Л. Н. Толстого. Заключеніе.

ОВСЯННИКОВЪ, Н. Эпизодъ изъ жизни Толстого. Ц. 30 к.

СОРОКИНЪ, П. А.—Л. Н. Толстой, какъ философъ. Ц. 15 к.

БУЛАНЖЕ, П. А. Какъ болѣлъ Л. Н. Толстой. Болѣзнь въ Крыму. 1901—1902 г. Съ фотографическими снимками. (Печатается).

ГРОМЕКА *о Л. Н. Толстомъ.* Ц. 80 к.

ГУСЕВЪ, Н. Н. *Два года съ Л. Н. Толстымъ.* (Изъ дневника бывшаго секретаря Л. Н. Толстого). Ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 60 к., въ роскош. перепл. 1 р. 90 к.

ДОСЕВЪ, ХРИСТО. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 г.г). Воспоминанія. (Печатается).

КРОСБИ, Э. Толстой и его жизнепониманіе. Перев. съ англ. Со вступительной замѣткой Л. Н. Толстого и краткимъ біографическимъ очеркомъ И. Горбунова-Посадова: „Эрнестъ Кросби, поэтъ новаго міра". Ц. 45 к.

КРОСБИ, Э.—Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Переводъ съ англійскаго. Съ дополненіями изъ писемъ Л. Толстого о воспитаніи. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

УКРАИНСКІЙ. Какъ помогалъ Толстой. Одно изъ тысячи подобныхъ о немъ воспоминаній. Ц. 2 к., на луч. бум. 3 к.

Всѣ эти книги продаются въ магазинѣ „Посредникъ" (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать можно изъ главнаго склада издательства: Москва, Арбатъ, д. 36. И. И. ГОРБУНОВУ.

Каталогъ высылается по требованію безплатно.

Цѣна 15 коп.

ТИПОГРАФІЯ РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, МОСКВА.

003